Тайна по имени Лагерфельд

Автор:
Лорен Аллен-Карон

Тайна по имени Лагерфельд

Лорен Аллен-Карон

Мода. TRUESTORY

Трудное детство с деспотичной матерью, первый модный показ, жизнь в Париже и трагично оборвавшиеся отношения с единственным близким человеком. Карлу Лагерфельду пришлось пройти длинный путь, прежде чем стать легендарным творцом и дизайнером с мировым именем. Но что из его биографии было правдой, а что лишь очередной легендой, придуманной самим кутюрье? Ведь Карл Лагерфельд намеренно превращал свою жизнь в череду загадок и тайн, скрывая даже собственный год рождения. Он всегда держал свою частную жизнь в секрете, и лишь избранное окружение могло догадываться, чем жил модельер, кого любил и что потерял. Лорен Аллен-Карон нашел друзей и близких Карла Лагерфельда, изучил документальные сведения и провел собственное расследование. Теперь каждый может узнать, что на самом деле скрывалось за дорогими костюмами и темными очками великого Мастера.

Лорен Аллен-Карон

Тайна по имени Лагерфельд

Памяти

Патрика де Синети

Книга была написана незадолго до смерти Карла Лагерфельда

«Le Mystıre Lagerfeld»

by Laurent ALLEN-CARON

© LIBRAIRIE ARTHIME FAYARD, 2019

Научный редактор – Наталья Толкунова, историк моды

Предисловие

Не проходит и дня или около того, чтобы его пресс-служба не сообщила о новом сотрудничестве, архитектурном проекте или коллекции. Вот уже более шестидесяти лет Карл Лагерфельд без устали и в лихорадочном ритме подтверждает свой талант дизайнера, всякий раз предлагая публике идеальное воплощение духа времени.

Несравненная прозорливость и способность проживать разные эпохи превратили его в уникального дизайнера, который все успевает, лично рисуя каждую из моделей, в которых продефилируют манекенщицы среди задуманных, как ларец с драгоценностями, декораций.

Не один лишь мир моды отслеживает малейшие шаги и жесты Карла Лагерфельда. Его аура распространяется далеко за пределы подиумов. Он стал иконой, почти мифом. Он один служит воплощением целого пласта в истории моды.

Лагерфельд – немец, но именно во Франции он решил стать Карлом, героем, который целиком и полностью сделал себя сам, живым логотипом в черно-серо-белых тонах, прославившимся во всем мире.

Своим успехом он обязан искусству владения собой: жить только настоящим и никогда не оглядываться назад. Равновесие ненадежно, но оно позволяет быть современным и при этом вне времени.

За легендой, безусловно, скрывается человек. И его история. Невозможно говорить об одном, не касаясь другого. Узнать Лагерфельда – значит вернуться к истокам головокружительного успеха, не знающего себе равных. Почувствовать дух тех мест, где он бывал, и набросать его портрет.

Покров из страниц

На улицах почти повсюду были развернуты транспаранты. В квартале готовились к демонстрации. В июне 2016 года площадь Бастилии залита солнцем, от лучей которого сверкает фасад Оперы. Внутри, неподалеку от сцены, городской шум, заглушаемый тяжелыми черными гардинами, почти не слышен. Довольно прохладно. Вдруг в полумраке из глубины кулис выплывает какой-то силуэт. Чтобы не оступиться, мужчина, не подозревающий о том, что за ним наблюдают, на секунду снимает темные очки. В его взгляде читается грусть особого свойства. Он направляется туда, где сцена освещена бликами света, падающего со сводов.

Его замечают журналисты, ожидающие более часа. Они расчехляют камеры, размахивают шестами микрофонов, включают прожектора. Мужчина приосанивается, снова надевает очки, затем, под градом вспышек фотоаппаратов, идет вперед.

Карл Лагерфельд, патриарх моды, дизайнер, сделавший состояние, работая на Дома Chanel, Fendi и на свою собственную марку, пришел посмотреть репетицию балета Джорджа Баланчина Брамс-Шенберг Квартет, костюмы для которого были созданы им по просьбе Бенжамена Милльпье, директора балета Парижской оперы. На нем белая рубашка, черный галстук, приталенный пиджак, а волосы, как обычно, собраны в катоган – хвост, завязанный лентой. Он появляется как видение. Из центра зала он, в окружении ближайших соратников, наблюдает за хореографией. Сидит прямо, не отрывая глаз от танцовщиков и не снимая своих темных очков.

Не проходит и часа, как маэстро вновь поднимается на сцену. Окруженный журналистами, он отвечает на их вопросы. Этой техникой Карл Лагерфельд владеет в совершенстве, и это не просто привычка. В течение нескольких минут звучат его выверенные ответы, как будто в конце одного из его дефиле. У него за спиной виднеется огромное мрачное полотно, написанное им для декорации. На нем изображен замок в ореоле тумана, порожденный впечатлениями от всех тех мест, где ему довелось побывать за долгую жизнь. В этот день на сцене Оперы Бастилии соприкасаются две диаметрально противоположные вселенные: современность иконы моды, слава которой ничуть не меньше, чем слава поп-звезды, и ностальгическое воплощение уходящего в прошлое мира. Одно накладывается на другое. Их сближает грусть, грусть во взгляде. За черно-белой «марионеткой», с которой кайзер моды любит сравнивать себя

, скрывается сложная жизнь, более тонкая и менее однозначная, чем могло бы показаться.

Погружаясь в тень кулис, кутюрье как будто растворяется в пелене своей туманной легенды. Журналисты знают, что они должны выключить камеры, убрать микрофоны. В этой невидимой, неисследованной зоне всегда витает тайна, порой вызывающая страх.

Дизайнер исчезает в глубине салона машины; куда он едет – неизвестно.

Его квартира располагается на Левом берегу, на набережной, с видом на Сену. Как и каждую ночь, исходящее из нее белое сияние могло бы почти осветить реку. Непроницаемые для взора окна никогда не открываются. Проникнуть в тайное убежище невозможно. За старыми камнями стен скрывается берлога площадью более трехсот квадратных метров с ультрамодным дизайном. Как в фильме, вдохновленном Стэнли Кубриком, и мебель в серых, белых и серебристых тонах, и холодильник из нержавеющей стали, наполненный низкокалорийной кока-колой, словно ожидают своего хозяина уже много тысяч лет. Единственный след недавнего пребывания – кипа листов бумаги, книг и журналов, беспорядочный вид которой нарушает текучие линии футуристического декора. «Это место для того, чтобы поспать, принять ванну и поработать»

, – уточняет Карл Лагерфельд. На одном из столов из кориана лежит пара темных очков. Чуть дальше – пара кожаных митенок. «Представьте, как Карл в тишине своей комнаты снимает темные очки, накладной воротничок, развязывает катоган… Что остается? Никто не знает. Он живет в маске. И горе тому, кто захочет сорвать с него эту маску»

, – предупреждает Жани Саме, бывший редактор раздела моды газеты Figaro.

У Карла Лагерфельда есть свои привычки.

«Я предпочитаю возвращаться домой вечером, в этом состоит преимущество частных самолетов. Я – честный человек, я не сплю в чужих постелях! Это также из-за Шупет»

.

На полу вырисовывается бесформенная тень священной бирманской кошки. Но действительно ли дома ее хозяин сегодня вечером? Кутюрье удался ловкий ход – никогда не быть там, где, по мнению всей планеты, он сейчас находится.

Раскрываются створки из матового стекла, вытянувшиеся вдоль всей стены. За ними виднеется огромная библиотека. Сотни трудов сложены друг на друга, занимая пространство от пола до потолка. Книги – это его жизнь, чтение – это «серьезная болезнь, навязчивая патология»

, от которой он не хочет лечиться. Дизайнер, читающий одновременно два десятка книг, – обладатель нескольких библиотек, разбросанных по всему миру, во всяком случае, их столько же, сколько у него домов. Между тем среди трехсот тысяч книг по искусству, фотографии, среди романов, философских сочинений на трех языках есть всего несколько книг, с которыми он не расстается никогда. Они – фрагменты как пережитой, так и вымышленной истории. Тайная нить связывает Слова Сартра и Обжигающее лето Эдуарда фон Кайзерлинга со стихами Катрин Поцци. Разгадать эту связь значило бы понять, как создавалась легенда Кайзера, героя романа, написанного в наши дни.

Среди этих книг одной из первых стал роман Бальзака Беатриса… В десять лет маленький немецкий мальчик нашел это произведение в библиотеке родительского дома и выразил желание прочитать. Его мать Элизабет возразила, что ему остается только выучить французский. Тогда он выучил французский язык, а потом, разобравшись в этой истории, был заинтригован. «Я вспоминаю Беатрису в ложе, с розовым муслиновым шарфом, скрывающим морщины на ее шее, появившиеся в 32 года. Я сказал матери: “Зачем эта идиотка носит шарф?”»

На прикроватном столике почетное место занимает другое сочинение – О Германии. Слова мадам де Сталь вызывают в памяти далекие пейзажи другой страны, другого времени, которые тоже немного принадлежат ему. Прошлое, которое мы так часто необдуманно отметаем, возможно, не так уж далеко.

В тихом уголке

Последние лучи холодного солнца проникают через одно из окон большого белого дома. Они подчеркивают резкие охряно-черные тона висящей на стене картины. Речь идет о копии Круглого стола короля Фридриха II в Сан-Суси Адольфа фон Менцеля. Произведение было окончено в 1850 году, но на нем изображена сцена, происходившая веком раньше, в сердце Европы эпохи Просвещения: один из самых закрытых людей, каким был король Пруссии, архетип просвещенного деспота, знал толк в том, как устроить в своем дворце в Потсдаме летнюю резиденцию и тайный приют для своих более или менее пикантных развлечений.

Сцена разворачивается в круглой комнате. Свет, проникающий через застекленную дверь, и террасами спускающийся вниз сад создают искусное смешение атмосферы интимной трапезы, которую подчеркивают золотисто-коричневые тона тканей, и игривого, залитого солнцем веселья, которым дышит эта картина. Коринфские колонны поддерживают купол, откуда спускается люстра из богемского хрусталя. Монарх сидит в окружении девяти приглашенных. Он – в центре, его лицо обращено к лицу Вольтера, который, чуть наклонившись вперед, беседует с ним. На голове философа – парик, он одет

в бархатное одеяние сиреневого цвета с кружевным жабо.

К шепоту ветра, дующего с Балтики, раскачивающего верхушки деревьев в лесу поблизости от Шлезвиг-Гольштейна, примешивается шелест мятой бумаги. Примерно в сорока пяти километрах к северу от Гамбурга, неподалеку от городка Бад-Брамштедт, в имении Биссенмор, ребенок рисует на маленьком письменном столе в тишине защищенной от всех ветров комнаты. Комод, кроватка и кресла-качалки, голубой бархат, которым обиты стены, излучают мягкое тепло. Определить его возраст как будто невозможно, он словно погружен в окружающий его туман.

Карл, юный обладатель картины, некоторое время тому назад влюбился в нее с первого взгляда, стоя у галереи, когда прогуливался по Гамбургу с родителями. Как он часто рассказывает

, он якобы попросил Отто и Элизабет Лагерфельд купить ему эту картину

. Сюрприз ждал его под рождественской елкой. Снимая с подарка обертку, маленький мальчик вскрикнул от горестного изумления. Его отец и мать ошиблись. Гостей в париках, которыми он восхищался через стекло, подменили музыканты, играющие на флейтах

. Он якобы немедленно потребовал картину, которая поразила его. Родителям пришлось звонить в галерею и снова дарить подарок в день Рождества. Теперь картина перед ним. «Должно быть, на него произвела впечатление обстановка с таким пышным архитектурным убранством, с такой люстрой, столом и столовым серебром, перспектива, уводящая в сады, и еще сам вид сотрапезников, их парики, одеяния»

. «Наверное, он спрашивал себя, что они едят, о чем разговаривают»

, – домысливает искусствовед Даниэль Алькуф. Долго и пристально глядел на Круглый стол, где оживает далекий и чарующий мир дореволюционной Европы, Франции эпохи Просвещения с ее литературой, живописью, архитектурой, ее вниманием к деталям, ее культурой утонченности. Потому что за прусским

убранством угадывается Версальский замок, роскошью которого вдохновлен дворец Сан-Суси, и Париж, служивший образцом для Фридриха II и просвещенной Европы. Мальчик навел справки.

Ему в голову приходит как будто совершенно очевидная мысль – позднее он станет одним из персонажей этой картины. Уже в шестилетнем возрасте, стоя на балконе, откуда открывался вид на гостиную его матери, он «воображал себя на страницах сказочной книги, [ощущая себя] кем-то вроде легендарного героя. [Он] говорил [себе]:

«Я знаю, что стану знаменитым, что мое имя станет известно во всем мире, и это странное ощущение»

.

Эта идея превращается в навязчивую. В конце концов она почти заслоняет его повседневную жизнь. В такой атмосфере вне времени трудно поверить, что сейчас 1942 год и вблизи датской границы мир разрывает Вторая мировая война.

Несколько раз съездив туда и обратно из своего жилища в Бланкенезе, зажиточном квартале Гамбурга, в имение Биссенмор, супруги Лагерфельд решили обосноваться в большом белом каменном доме, купленном ими десятью годами раньше, чтобы дождаться конца войны. Они поступили разумно. Потому что в 1943 году англичане и американцы бомбят Гамбург. Днем и ночью летающие крепости Королевских военно-воздушных сил сбрасывают несметное количество бомб на главный выход к морю Третьего рейха, стратегический центр его военно-морских сил. Бомбардировки, которые тем летом уничтожают город, окрестили «операцией Гоморра», имея в виду божий гнев, наславший на нечестивые города Содом и Гоморру дождь из огня и серы. За одну неделю убито тридцать пять тысяч человек. Гамбург частично разрушен. В небо поднимается густой дым.

В это время юный Карл может проводить большую часть дня, закрывшись в комнате, затерявшись среди фантастических земель идеальной Европы. Понимает ли он, что Германия, находящаяся во власти нацистов, скоро падет в огне и крови? «Я оказался в том единственном месте, где ничего не

происходило. Мне невероятно повезло, и меня это не затронуло»

, – утверждает он в 2015 году.

Несомненно, Бад-Брамштедт не тронут бомбардировками. Но, по мнению Рональда Хольста,

«совершенно невозможно, чтобы Карл Лагерфельд, которому тогда было двенадцать лет, не понимал, что свирепствует война»

.

Историк утверждает, что бомбардировки, обрушившиеся на Гамбург и Киль, были видны из Бад-Брамштедта, расположенного между этими двумя городами. В результате этих бомбардировок 900 000 человек вынуждены были бежать из своих жилищ и искать приют где придется, в частности в Бад-Брамштедте. «Квартиры, мастерские и магазины были реквизированы, в них подселяли беженцев. Семья Лагерфельд больше не могла занимать весь дом», – продолжает историк

.

Именно так Сильвия Ярке и ее родители, дом которых только что был разрушен, оказываются в имении Биссенмор, сбежав с пылающих улиц Гамбурга. Сильвия родилась в 1934 году. То есть в ту пору ей всего десять лет, но она очень хорошо помнит свой приезд в то место, что покажется ей раем: «Это был старый дом с колоннами, вход был выкрашен в белый цвет, словно это был маленький волшебный замок, именно таким он казался мне в детстве. А еще в нем был большой холл»

. Ее семья живет вместе с другими беженцами в маленьких комнатах над лестницей величественного жилища. В него попадаешь, пройдя по извилистой аллее, усаженной дубами и березами. Просторный, удобный дом вполне

приспособлен для буржуазной жизни на отдыхе. Две трети второго этажа охватывает балкон, похожий на узкий коридор. Лестница, которую ребенок преодолевает одним прыжком. Широкая веранда, защищенная козырьком, поддерживаемым тонкими колоннами. Кресла из ротанга, низкий столик для чая и выпечки. С одного края угадывается нечто, напоминающее башню, похожую на гигантскую беседку, покрытую четырехскатной крышей.

Отношения между беженцами и членами семьи Лагерфельд – сдержанные, но уважительные. «Месье и мадам Лагерфельд внушали мне страх, – рассказывает Сильвия. – Он носил темные костюмы и перстень с печаткой»

. «Она всегда держалась очень прямо. Я воспринимала ее как его строгую мать и никогда не видела, чтобы она улыбалась. [У Карла] была густая и темная шевелюра и живой взгляд. Он был очень спокойным и очень вежливым. Он не был озорником, не то что другие дети, которые любят подраться»

.

Даже если Карл не все понимает, осознает ли он, хотя бы отчасти, происходящий крах, затрагивающий даже его повседневную жизнь? «Мои родители всегда оберегали меня от всего, вселяя в меня ощущение того, что я неуязвим»

, – объясняет кутюрье. Если его оберегают, то потому, что он младший ребенок в семье, который умеет внушить любовь к себе. В отличие от своих сестер, Марты-Кристины и Теи, он никогда не восстает против родительского авторитета. Не только этим он отличается от них. Марта-Кристина ведет себя как чертенок, лазает по деревьям, бегает по лесам Биссенмора вместе с местными крестьянскими сыновьями. Карл же, хотя и любит коров, пасущихся вокруг имения, не в восторге от деревенских игрищ. Эльфрида фон Йоуанне хорошо знала кормилицу детей Лагерфельдов и вспоминает о том, что та поведала ей:

«Он не очень любил своих сестер. Безусловно, он часто играл с ними, он забавлялся, наряжая их в старые платья, но между ними не было близости»

.

Карл объяснит свои сдержанные отношения в Мартой-Кристиной и Теей: «Не то чтобы я не любил их, но мы ни в чем не совпадали»

. На самом деле он выбрал, на чьей стороне ему быть, – на стороне взрослых.

Его отец Отто Лагерфельд – эрудированный человек, который говорит на девяти языках. Он олицетворяет собой тех самых self-made-men, тех, кто добился всего своим трудом, о ком иногда слагали легенды во времена промышленной революции. Он словно сошел со страниц романа Жюля Верна, Джозефа Конрада или Александра Дюма. В 1906 году он был в Сан-Франциско, когда там произошло крупное землетрясение, он видел разрушенный город, под развалинами которого были погребены три тысячи человек. Рональд Хольст рассказывает, что, не забывая о пережитом, Отто Лагерфельд по привычке давал такой совет: «В случае землетрясения прижмитесь к двери, дверь не падает. Зато стена, вот она падает. Посмотрите, в какую сторону упадет стена, и выходите через дверь в противоположном направлении»

. Через несколько месяцев после подземных толчков его увидят шагающим по Владивостоку, Хабаровску и городам русского Дальнего Востока, где он занимался сбытом сгущенного молока «Carnation», или проезжающим по пустынным просторам вдоль амурских берегов в вагоне первого класса удаляющегося в степь транссибирского экспресса…

По словам Карла Лагерфельда, «после войны 1914 года [отец] взялся импортировать сгущенное молоко в Германию и Францию. А следом вместе с американцами построил заводы в обеих странах»

. Его коммерция процветает. Слишком старый для того, чтобы в 1939 году отправиться на фронт, Отто может продолжать работать, часто покидая семейное гнездо. «Офис его компании, Gl?cksklee, располагался в Гамбурге, – вспоминает Рональд Хольст. – Ближайший завод находился в 100 километрах от него, а другие в 800 километрах»

. И добавляет: «У него было три завода, куда ему приходилось регулярно наведываться. Поэтому он часто отсутствовал и совсем не вмешивался в воспитание детей»

. Тогда Отто было почти шестьдесят лет, и своему сыну он казался немощным стариком: «Я видел его нечасто. Он любил одну лишь работу и не очень любил веселиться. Я обожал его, он был намного добрее, чем моя мать, но не был весельчаком»

.

Не затем ли, чтобы не винить себя в своих отлучках, Отто Лагерфельд балует сына? Он якобы постоянно привозил ему свежие выпуски своего любимого журнала Simplicissimus, немецкого еженедельника со смешными карикатурами, служившими источником вдохновения для маленького мальчика, находившего там рисунки Бруно Пауля и других восхитительных художников-иллюстраторов. По словам Эльфриды фон Йоуанне, рисование «было его основным занятием, когда Карл оставался один. Он не терпел, чтобы его беспокоили. Больше всего на свете он обожал бумагу, но любил только белую, девственно-чистую. Если на ней было что-то написано, то он непременно ее отбрасывал. Будучи ребенком, он рисовал маленькие портреты, люди на которых были узнаваемы»

.

В 1930 году, когда Отто женился, ему было сорок девять лет, а Элизабет – ровно тридцать. Он был немолодым и сдержанным, но внимательным. «Он говорил мне: “Проси у меня что хочешь, но не в присутствии твоей матери”»

, – вспоминает Карл. Отец восполняет то, что Элизабет не может дать своему сыну, и прежде всего – доброжелательную мягкость. «Мать твердила мне: “Если ты хочешь сказать глупость, говори скорее, не будем терять время”»

, – часто рассказывает Карл Лагерфельд, приводя множество примеров на первый взгляд немотивированной жестокости. «Всю жизнь она занималась тем, что говорила мне гадости. “Нужно вызвать драпировщика, у него слишком

большие ноздри, нужно завесить их шторами”. Разве так говорят ребенку? Я обожал тирольские шляпы, но она говорила мне: “Ты похож на старую лесбиянку!”»

. Его длинные черные волосы, как ручки вазы, обрамляют лицо с обеих сторон… «Мать сказала мне: “Ты знаешь, на кого ты похож? На глиняную миску со Страсбургской мануфактуры”»

. Устав от того, что сын мешается у нее под ногами, устав слышать вопросы на самые странные темы, она завела привычку избавляться от маленького надоеды, изводя его насмешками. «Маленький Карл пытался играть на пианино. Он брал уроки и время от времени наигрывал какую-нибудь пьесу»

, – рассказывает немецкий историк Рональд Хольст. Однажды, когда он репетировал на семейном инструменте, мать бросила ему: «Прекрати играть, не шуми. Рисуй. По крайней мере, будет тихо»

, – сообщает он.

Его мать – нежная и резкая, негодующая, но аристократичная до кончиков ногтей, высокомерная в обществе, но крайне вежливая со своей прислугой, ненавидимая и обожаемая, до ужаса странная. Его мать – парадокс и образец для подражания.

«У меня были родители что надо: отец, который позволял мне все, и мать, которая ставила меня на место и раздавала подзатыльники»

.

В самом деле, Элизабет сдерживает рвение мальчика, считающего себя центром вселенной и позволяющего себе любые вольности. На одной из фотографий ему четыре года. Он с гордостью нацепил на себя то, что в то время никто не носит в Северной Германии – Lederhose, – народный баварский наряд зеленого цвета,

кулаки спрятаны в карманы, голова наклонена, выражение лица – слегка вызывающее.

Вместо того чтобы сносить материнские притеснения, юноша учится и довольствуется размышлениями, в то же время смутно страшась судьбы, уготованной тем, кто бунтует, как его сестры, которых довольно быстро отослали в пансион. Но главное, он зачарован всемогущей властью Элизабет. «Меня всегда до зависти восхищал ее комичный и злобный прагматизм»

, – позже признается он, говоря об этой элегантной женщине, меломанке и скрипачке, чрезвычайно воспитанной, способной переводить философские тексты с испанского на немецкий язык, которая занималась тем, что отдавала приказания, лежа в кресле с книгой в руках в библиотеке.

По признанию самого Карла Лагерфельда, ее прошлое и ее происхождение окружены ореолом легенды:

«Моя мать всегда говорила: “Ты можешь задавать мне вопросы о моем детстве и обо всем, что случилось после моего знакомства с твоим отцом. То, что произошло в промежутке, тебя не касается”»

.

Что же такое случилось в жизни этой женщины в 20-х годах прошлого века, что могло бы оправдать подобную таинственность? Была ли она «продавщицей в берлинском магазине женского белья, когда отец познакомился с ней»

, как утверждает биограф Алисия Дрейк? Или же простушка была также аристократкой? В 2003 году Карл Лагерфельд заявляет журналисту Бернару Пиво, что Элизабет была «дочерью высокопоставленного прусского чиновника […]; при императоре Вильгельме II ее отец был губернатором Вестфалии»

. Как бы то ни было, страстная любовь ребенка к матери кажется бесконечной.

Так, в ритме движения карандашей по бумаге, протекают часы и дни, похожие друг на друга. Подросток продолжает читать, мечтать и рисовать в белом доме, скрытом за занавесом из деревьев, еще не разорванном реальностью. «Я жил в неком прошлом, которого я не знал и которое мог вообразить»

.

Журналы, привезенные отцом, как и картина Менцеля, скрывают реальность, приглушая жестокость атак. Все происходит так, будто ребенок бессознательно продолжал жить, обожествляя то, что война и бомбы окончательно сметают с лица Земли: тот старый мир, тот немецкий пейзаж с особняками, его дворцы с анфиладой салонов, с драгоценной деревянной обшивкой стен, с потолками, расписанными в виде голубых небес, населенных ангелами, с украшенными статуями садами, фонтанами, потаенными уголками, всю ту утонченность, высшей степенью воплощения которой был XVIII век. Там, в комнате, он закладывает основы своего собственного мира, чтобы лицом к лицу столкнуться с не столь роскошной реальностью.

Несносный ребенок

Каждое утро, чтобы дойти до школы в Бад-Брамштедте, Сильвия Йарке одна бредет по лесу и лугам, где пасутся коровы. Карл же посещает школу не так часто. Он предпочитает выбирать интересующие его предметы, ненавидит своих учителей и их систему обучения: «… [они] все время твердили мне: “Вы только и знаете, что говорить, но на самом деле вы ничего не знаете”»

.

Он уже знает немецкий, французский и английский языки. Чему же научили его они? Карл ведет себя как маленький взрослый. Он – что-то вроде сверходаренного ребенка, которого, по правде сказать, не интересуют другие дети и который без устали рисует. «Он учился на класс младше меня, но у нас был один и тот же учитель по рисованию. Один раз Карл нарисовал черным карандашом на листе белой бумаги карикатуру на своего учителя математики,

набрасывающегося с ножом и вилкой на кусок фаршированного рулета. Рисунок был выставлен в вестибюле. Он был настолько реалистичен, что произвел на меня большое впечатление»

, – припоминает Сильвия.

Карл смотрит, анализирует. Он оттачивает взгляд, молчаливо сопротивляется своре. Сильвия продолжает: «В школе он держался немного на заднем плане, не задирал других, не выделялся»

. У него немного товарищей, которых он беззастенчиво использует для того, как он сам, и не без иронии, скажет позднее, чтобы они делали «все, что [ему] не хотелось делать самому, к примеру отчищать [свой] велосипед. Но безусловно, не [свое] домашнее задание, для этого они были слишком ограниченными!»

.

Карл вспомнит о волнении, охватившем его после того, как он увидел фильм Белая лента Михаэля Ханеке, действие которого разворачивается прямо перед Первой мировой войной в нескольких десятках километров от деревни, где он вырос. «Я был болен в течение трех дней, потому что почти пережил то, что описывается в фильме. Я бежал от этих страшных людей»

. За тридцать лет умонастроения отнюдь не изменились.

В эти неспокойные времена контраст между юным Карлом и его товарищами еще больше бросается в глаза. Рональд Хольст напоминает, что «любого мальчика в таком возрасте принуждали вступить в гитлерюгенд, где его окружали очень радикально настроенные юноши, требовавшие, чтобы все присутствовали на ночных сборищах. Отсутствующие подвергались издевательским испытаниям, когда им приходилось терпеть обжигающие удары ремней по своему телу»

. Даже если на сегодняшний день не обнаружено никаких следов его пребывания в Pimpf

, младшей возрастной группе гитлерюгенд, по мнению историка, невозможно, чтобы Карл смог полностью устраниться от обязанностей юного немца. «Дети должны были носить форменную одежду. Карл же отказывался от этого. Он ходил в школу в твидовом пиджаке и с галстуком. У него были очень длинные волосы. Он был похож на маленького английского джентльмена. Это вызывало нарекания со стороны учителей»

. Его изысканность, возможно, означает бунт.

«Я знал, что отличаюсь от других – в амбициях, в интересах, во всем. Особенно мне не хотелось походить на то, что я видел»

, —

объяснит он позднее. Его прическа стала эмблемой скандала, символом его диссидентского поведения в маленькой общине Бад-Бранштедта.

Карл культивирует свое одиночество, свой дух сопротивления всему миру. Его первое убежище – картина, висящая в его комнате, второе – книги, которые он проглатывает. Библиотека отца, состоящая главным образом из книг по истории религии, выглядит аскетически, библиотека матери, которая любит закрываться там и читать философов, кажется более загадочной. Тейяр де Шарден соседствует в ней с писателями, в частности с Роменом Ролланом. Чтение романа Эдуарда фон Кайзерлинга Обжигающее лето, опубликованного в начале века, становится откровением. Там между прочим идет речь о графине, женщине, которая жила при дворе, о большом имении и прислуге. Обедневшая аристократка прогуливается по прибалтийской деревне, которая похожа на его края, только она расположена чуть севернее. Лес, моросящий дождь и короткие ночи – те же, что в Бад-Брамштедте.

Нежная меланхолия, исходящая от этого романа, возможно, находит отклик в его душе

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/allen-karon_loren/tayna-po-imeni-lagerfel-d

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити